

DOI 10.15826/izv2.2016.18.4.074
УДК 930.2:81'22 + 811.161.1'276 +
+ 355.12(470.61)

О. А. Горбань
Е. Ю. Ильинова
М. В. Косова
Е. М. Шептухина

*Волгоградский государственный университет
Волгоград, Россия*

**ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЙСКОВЫХ ГРАМОТ
СЕРЕДИНЫ XVIII в.
(по материалам архивного фонда
«Михайловский станичный атаман»)***

В статье обосновано определение войсковой грамоты — главного управленческого документа Области Войска Донского — как уникального жанра деловой письменности XVIII в. Исследование проведено на материале документов 1735–1755 гг. фонда «Михайловский станичный атаман», хранящегося в Государственном архиве Волгоградской области.

Применение комплексного подхода к анализу языковых явлений и учет достижений современной теории текста, осмысленных с позиций документной лингвистики, позволили установить следующие параметры жанра любого документного текста: функция, субъекты коммуникации (адресант и адресат), характер передаваемой информации, структура, доминирующая модальность, пространственно-временная локализация. Показано их многовекторное, разноплановое взаимодействие и соотнесенность с общими текстовыми категориями и свойствами документа. Уточнены представления о жанре, разработанные в лингвистике на материале художественного текста, в частности, концептуальная информация применительно к официально-деловым текстам понимается авторами статьи как культурно-исторический фон, обуславливающий достоверную интерпретацию фактуальной информации.

Охарактеризованы особенности экспликации названных параметров в речевой структуре войсковых грамот равноуровневыми средствами языка, особо отмечены случаи, допускающие вариативность выражения.

Выявлено, что войсковая грамота, будучи самостоятельным жанром, отражает специфику делопроизводства на определенной территории России, но при этом вписывается в новую для XVIII в. канцелярскую систему, сохраняя в своем речевом воплощении приказные традиции.

К л ю ч е в ы е с л о в а: жанр; параметры жанра; документ; свойства документа; текстовая категория; история русского делового языка; войсковая грамота; Область Войска Донского.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Администрации Волгоградской области, проект № 16-14-34004 «Динамика текстовой и языковой организации региональных документов XVIII–XIX вв. (по данным архивного фонда «Михайловский станичный атаман» ГАВО)».

© Горбань О. А., Ильинова Е. Ю., Косова М. В., Шептухина Е. М., 2016

Русская деловая письменность предшествующих эпох является источником сведений для изучения разных сторон истории общества — социальных отношений, государственного управления, делопроизводства, права, языка и др. Она представляет собой и самостоятельный объект исследования с позиций документоведения и документной лингвистики. Деловая письменность — это широкий корпус текстов, формирующих на протяжении веков собственные правила построения, нормы, которые обусловлены потребностями общественной жизни.

Опираясь на фундаментальные труды М. М. Бахтина, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Л. В. Щербы, А. А. Леонтьева и др., документная лингвистика сформировала свои подходы к изучению текста — документного текста, который понимается как единица письменной речи, речевое произведение, обладающее смысловой и грамматической связностью и реализующее социальную задачу автора с помощью системы реквизитов.

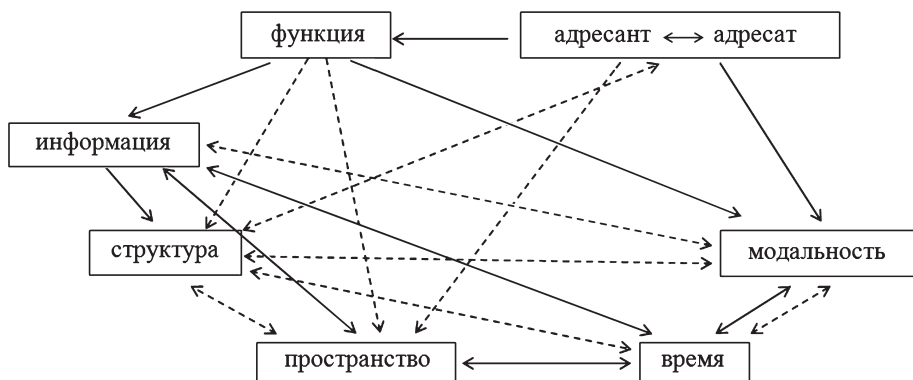
В научной литературе отмечается, что документный текст (ДТ) является сложным лингвистическим объектом, на его создание влияют не только существующие языковые законы построения письменной речи, но и в большой мере — формальные правила, имеющие внеязыковую природу, требующие определенных ограничений, унификации и стандартизации [Кушнерук, с. 35]. Документные тексты относятся к системе институциональных текстов, которые обслуживают типовые ситуации социального взаимодействия и организация которых стремится к стереотипности и форматности [Ильинова, 2005, с. 153–154].

В последнее время все более актуальным становится научное изучение не отдельных документов, а документных систем. Как справедливо отмечает А. Н. Качалкин, «с точки зрения филологии всякий текст представляет собой звено в общей цепи текстового процесса, неизвестно откуда взявшихся текстов не существует» [Качалкин, ч. 1, с. 4]. Возникновение, развитие систем обнаруживается при их диахроническом исследовании, которое дает возможность выявить закономерности порождения и функционирования документных текстов в том или ином культурно-историческом контексте, а также тенденции их становления как неотъемлемой части письменной языковой культуры народа. Для обобщающих диахронических исследований значимым является суждение А. Н. Качалкина о том, что «центральный внутренним критерием документной системы является документный жанр» [Там же, с. 5]. Жанровый анализ позволяет представить типологию документных текстов с учетом влияния на них экстралингвистических факторов.

Вопрос о жанрах, их релевантных признаках (параметрах) является одним из активно разрабатываемых и дискуссионных в науке. Существуют разные подходы к их изучению — традиционный (связанный с исследованием жанров художественной литературы), функциональный, коммуникативно-дискурсивный, когнитивный [Ильинова, 2006, с. 10–11]; предлагаются различные классификации жанров, в том числе на историческом материале, и т. д. [Бабенко, Казарин;

Белоконева; Гальперин; Качалкин, ч. 2; Косова, 2015; Плигина; Ромашова; СЭСРЯ, с. 56–88; Трофимова; и др.].

Параметрами жанра в системе документов¹, с нашей точки зрения, являются: функция, субъекты коммуникации (адресант, адресат), характер передаваемой информации, структура, доминирующая модальность, пространственно-временная локализация. При этом важно отметить, что параметры жанра соотносятся с общими текстовыми категориями и свойствами документа; эксплицированы в речевой структуре текста разноуровневыми средствами языка и допускают вариативность; взаимодействуют между собой, и это взаимодействие не линейное, а многовекторное и разноплановое (см. рисунок).

Взаимодействие параметров жанра документного текста²

Поясним содержание перечисленных параметров жанра документного текста.

Под функцией документа понимается общественная роль, социальное назначение, которые он выполняет в рамках информационно-документационной системы. Часто функция документа косвенно отражена в его наименовании: оно, по сути, называет вид акта речи [Качалкин, ч. 2, с. 27], реализующего коммуникативную цель, которая соотносится с функцией (*приказ, распоряжение, ходатайство, справка, инструкция* и др.). Функции бывают общие, присущие всем документам, и частные, или специальные, присущие одному виду документов [Косова, 2016, с. 9].

Функция задается характеристиками субъектов коммуникации — адресанта (автора) и адресата, каждый из них может быть единичным и коллективным, персонифицированным и неперсонифицированным. Для документа

¹ Термины «вид документа» и «жанр документа» в данной статье при анализе документного текста используются как синонимы.

² Сплошными линиями обозначены сильные, обязательные зависимости и связи параметров, пунктирными — слабые, факультативные.

значимы социальный статус адресанта и адресата, отношения между ними (наличие / отсутствие иерархии, степень официальности и т. д.), так как именно это во многом определяет коммуникативную цель и выбор жанра документа.

Функция детерминирует характер передаваемой информации (на рисунке — «информация»), которая может быть собственно «текстовой», представляющей основное содержание документа, и «документной» — об адресанте и адресате, дате создания документа и т. п., включенной в соответствующие реквизиты [Косова, 2013].

Текстовая информация бывает нескольких видов. Опираясь в целом на классификацию, предложенную И. Р. Гальпериным [2007, с. 27–29], мы выделяем информацию фактуальную, концептуальную и подтекстовую, уточняя значение терминов применительно к документам.

Большинство документных текстов отражает фактуальную информацию — она составляет основу содержания документа, отражает суть событий, которые происходили, происходят или будут происходить в реальном мире, всегда выражена вербально и в текстах актуализируется локальными и темпоральными конкретизаторами.

Концептуальная информация тесно связана с фактуальной и прежде всего передает понимание автором отношений между явлениями, описанными в документе, их причинно-следственных связей, значимости в социальной, экономической, культурной жизни народа и пр. Концептуальная информация иногда эксплицируется намеренно — например, в таких современных документах, как программа, доктрина, концепция развития, договор о сотрудничестве и др., но чаще представлена в документе имплицитно — тогда она восстанавливается адресатом как информационный фон документа. Если субъект текста является коллективным, непersonифицированным, то и в этом случае можно говорить о концептуальной информации, которая носит не индивидуально-авторский, а социальный, культурно-исторический характер: любой документ отражает свою эпоху, культурную парадигму, мировоззрение общества или его отдельных групп и др., и без понимания этого культурно-исторического фона невозможна достоверная интерпретация фактуальной информации.

В зависимости от жанра в ДТ может быть представлена и фактуальная, и концептуальная информация, при этом один из видов информации является доминирующим.

Подтекстовой информации документ не содержит, так как не должен быть двусмысленным.

Документная информация (набор и содержание реквизитов) также обуславливается жанром.

Характер передаваемой информации и в определенной степени функция детерминируют структуру документа — взаимосвязь элементов, обеспечивающую его целостность и сохранение основных свойств в разных коммуникативных условиях, что проявляется в композиции текста, системе реквизитов или речевых оборотов, выполняющих их роль. Текстовая информация, как

правило, содержится в основной части документа и композиционно организована, документная информация заключена в реквизитах. Стандартизированность структуры документа облегчает поиск необходимой информации в тексте.

Функция и субъекты коммуникации определяют *доминирующую модальность* ДТ (на рисунке — «модальность») — отношение автора к сообщаемому, выраженное в тексте, его коммуникативную установку, а также устанавливаемое им отношение сообщаемого к действительности. Так, при подчиненном положении адресата и создании документа, выполняющего регулятивную функцию, возможна реализация модальности волеизъявления; при подчиненном положении адресанта и нацеленности на побуждение к принятию решения адресатом — модальность просьбы, и т. д.

Модальность текста связана также с характером информации: передача фактуальной информации чаще (но не всегда) коррелирует с объективной модальностью; концептуальная информация может более отчетливо проявляться благодаря эксплицированной субъективной модальности. Текстовая модальность создается различными средствами выражения грамматической модальности, оценки, эмотивности.

Информация, переданная в документе, существует в системе пространственно-временных координат, что обуславливает наличие таких параметров, как пространственная и временная локализация.

Пространственная локализация ДТ (на рисунке — «пространство») моделирует прежде всего реальное, объективное, пространство, которое характеризуется протяженностью, связностью и непрерывностью, признаками места, формы, размера, расстояния между телами, границами.

Вместе с тем документы создаются в социуме и содержат различную информацию о протекающих в нем процессах, поэтому, несмотря на безусловную значимость реального пространства, более важным для документов является социальное пространство, отражающее место субъектов в обществе и их взаимодействие.

Пространственная локализация косвенно может быть связана также с функцией документа (точнее, речь идет об ограниченности функций конкретного документа определенной территорией или частью социума), со структурой (например, наличие реквизита «место создания документа»), с адресантом и адресатом текста (в тексте может содержаться указание на их местоположение).

Временная локализация текста (на рисунке — «время») соотносит его содержание с осью времени: с моментом речи (одновременность / предшествование / следование) или с другим событием, при этом документам свойственна временная определенность, которая выражается в точном датировании фактов с использованием невербальных компонентов. Этот параметр частично связан со структурой документа: излагаемые события в композиционных блоках документа могут иметь разную временную отнесенность; время создания документа фиксируется в соответствующем реквизите. Временная локализованность

взаимодействует также с модальностью (через временную отнесенность событий проявляется объективная модальность).

Реализация указанных параметров жанра в текстах документов может меняться в разные исторические периоды. Одним из переломных периодов для системы документных жанров русской деловой письменности стал XVIII в., когда была осуществлена реформа государственного управления, обусловившая перестройку документной системы, появление новых форм документов, сложное взаимодействие традиций и новаций, особенно вдали от административных и культурных центров государства (некоторые аспекты этой проблемы отражены в: [Глинкина, Чередниченко; Кудрявцева; Котюрова; Майоров; Русанова]).

Так, в региональных документных системах возможно функционирование документов уникальных жанров, которые отражают специфику делопроизводства на определенной территории России, но при этом вписываются в новую для XVIII в. канцелярскую систему, сохраняя в своем речевом воплощении приказные традиции. Один из таких документов — войсковая грамота (ВГ), основной управленческий документ, создававшийся в главной канцелярии Области Войска Донского. «Войсковая грамота» является самоназванием, которое неоднократно встречается в текстах (*сия наша войсковая грамота* и мн. др.).

Как свидетельствуют материалы фонда «Михайловский станичный атаман» Государственного архива Волгоградской области (ф. 332, оп. 1)³, войсковые грамоты циркулировали наряду с рапортами, промемориями, доношениями, расписками и другими видами документов, многие из которых были введены в практику делопроизводства в XVIII в. Анализ грамот 1735–1755 гг. с учетом указанных выше параметров позволил выявить их жанровую специфику.

Войсковые грамоты выполняли в качестве общей информативную функцию; специальной функцией была регулятивная. Они рассылались из войсковой канцелярии по казачьим станицам для уведомления и исполнения, с их помощью осуществлялось управление Областью Войска Донского.

Адресант ВГ — коллективный, непersonифицированный. Иногда в тексте, в начальной формуле, встречается указание на конкретное лицо, но оно называется не как самостоятельное, а в числе других лиц (всех казаков), от имени которых составляется документ, что объясняется коллегиальностью управления Войском Донским: *От донских атаманов и казаков от г(о)с(по)д(и)на войскового атамана данила ефремовича и от всего войска донскаго* (д. 4, л. 1). Это подчеркивается использованием словосочетания *войско донское, местоимений мы, наш*, глагольных форм 1 л. мн. ч. (*мы войском донским доложили, нашими войсковыми грамотами подтвержено, повелеваем, объявляем* и др.).

³ Далее при цитировании источников указываются только номер дела и листа. При воспроизведении текста грамот выносные буквы приводятся в строке; титла раскрываются, при этом восстановленные буквы заключаются в круглые скобки; иные надстрочные знаки не воспроизводятся; вышедшие из употребления буквы заменяются соответствующими буквами современного алфавита; предлоги, союзы и частицы передаются в раздельном написании с последующими или предыдущими словоформами; в остальном сохранена орфография оригиналов.

В создании документа участвовали войсковой писарь, которому текст диктовался старшим по чину лицом или который создавал текст на основе его слов как вторичный; лицо, проставляющее печать, тем самым берущее на себя ответственность за подлинность документа и становящееся соавтором, о чем говорят выполненные другим почерком приписи: *У сеи грамоты наша воиска донскаго печать.*

Адресат ВГ отличается широтой — это все Войско Донское — и выражается в начальной формуле: *станичным атаманам и казакам.* Иногда, при отправлении документа в одну из станиц, адресат является персонифицированным, и в грамоте, наряду с упоминанием казаков, указывается имя атамана: *станицному атаману симеону каганину и казакам* (д. 1, л. 3) [подробнее об адресанте и адресате см.: Шептухина, Герасимова; Горбань, 2015].

Войсковые грамоты содержат прежде всего текстовую и н ф о р м а ц и ю — фактуальную и концептуальную, при этом доминирующим типом является фактуальная информация. Войсковые грамоты отражали жизнь Войска Донского, их писали по различным делам (о розыске беглых, о зачете в службу казакам походов, об отводе лугов для почтовых лошадей, о назначении на должность, об освобождении казаков от уплаты вечной пошлыны, о запрещении продажи соли и др.).

Фактуальную и н ф о р м а ц и ю передают вербально-цифровые обозначения пространственно-временных координат: *января 11г(о) дня в ноци из оного полку бежал* (д. 1, л. 2); лексика определенных тематических групп, в частности наименования воинских чинов и должностей (*донские атаманы, казаки, полковник, комендант, рекрут* и др.), социальных сословий (*государевы и боярские люди*); языковые средства, создающие объективированность изложения (слова, в значении которых содержится компонент 'свидетельствование', ссылки на документальное подтверждение сведений и т. д.): *и н(ы)не о приходе и о житии на дону свидетелство имеют о том бы привезли б с собою к нам в черкаскои скаски* (д. 3, л. 3 об.).

Концептуальная информация в ВГ представлена имплицитно. Передача такой информации не является целью этого документа, однако содержание текста отражает определенную систему социальных координат, канонов отношений, правил, которые существовали в Войске Донском, а именно: его единство и целостность (см. примеры выше); выражение почтения к государю и вышестоящей власти, в том числе при помощи формул речевого этикета: *не толко нам но и вам доволно известно что те почтовые станы учреждены для интересной ея императорскаго величества надобности* (д. 3, л. 3); представление о надлежащем исполнении служебных обязанностей: *а почтовымъ казакам что оне за неродением не могли завременно себе сель приготовить велеть хотя за денги... покупать и доволствовать лошадеи чтоб их лошади и к почтовой гонбе были б исправны* (д. 3, л. 4); соблюдение войсковой иерархии (лексемы со значением казачьих воинских чинов, например, *атаман, казак, войсковой, станичный* и др.).

Документная информация в ВГ проявляется слабо: поскольку реквизиты практически не были выделены из связного текста, а включались

в него как компоненты высказываний, то документная информация (об адресанте, адресате, месте и дате написания документа, наличии печати) является частью информации фактуальной. В отличие от основного содержания текста, она характеризуется устойчивостью средств реализации, т. е. однотипностью речевых структур, выполняющих роль реквизитов.

Особенность структуры текстов ВГ заключается в том, что реквизиты, как было сказано, в подавляющем большинстве случаев синтаксически и графически не выделены из текста, а входят в состав предложений, представляющих собой типовые речевые формулы. Воспроизводимость и обязательность этих формул, их фиксированное место в композиции текста, постоянство передаваемой ими информации, которая носит документный характер, позволяют считать, что по отношению к ВГ понятие реквизита вполне применимо.

В структуре текста ВГ можно выделить начальную формулу, которая содержит сведения о том, от кого и к кому направлен документ, и таким образом выполняет функцию реквизитов «адресант» и «адресат». Отметка об адресанте еще не заняла отдельной позиции на листе, но так как в тексте она составляла первое предложение, то уже за счет этого визуально выделялась (эффект усиливался, если отдельными писцами в начертаниях начальной и выносных букв первой строки использовались декоративные росчерки). Иерархия отношений адресанта и адресата выражена последовательностью их указания в формуле — от вышестоящего к нижестоящему.

Реквизиты «место» и «дата составления документа» заключены в конечной формуле текста «*Писана в Черкасском (год, месяц, число)*». Для фиксации даты используются сочетания имен существительных, называющих единицы времени, с числительными, выраженными при помощи арабских цифр. Последовательность указания года, месяца и числа иногда варьируется. Например: *писана в черкаскомъ 1744(го) году ноября 12(го) дня* (д. 3, л. 5); *писана в черкасском сентября 30 дня 1746 году* (д. 4, л. 2).

После даты документа, при необходимости продолжая строку, в грамотах следует формула: *У сей грамоты наша воиска донскаго печать*. Если документ представляет собой копию войсковой грамоты, то после даты отмечается наличие печати в оригинале: *На подлинно тако войска донскаго печать* (д. 3, л. 3 об., 4 об.). Печать располагается под текстом.

На листе, за границами основного текста, могут быть пометы о том, что документ представляет собою копию войсковой грамоты (*Копия*), о дате получения документа (речевая формула *Получено... года... месяца... дня*, которая пишется на полях вдоль левого или — реже — верхнего края листа).

Использование начальной и конечной формул, помет в функции реквизитов, образующих своего рода рамку, связано с приказной традицией составления документов.

Основное содержание грамоты вводится после указания адресата глагольной словоформой *объявляемъ*, т. е. «сообщаем». Оно тоже имеет однотипную организацию и, как правило, композиционно делится на две части: сначала излагаются

события, послужившие поводом для принятия решения (так называемая мотивирующая часть), затем — собственно решение и действия, предписываемые адресату к исполнению (так называемая распорядительная часть). В такой композиции отражаются и функции документа — информативная и регулятивная.

В редких случаях, если текст достаточно объемён, некоторые содержательные блоки выделяются при помощи нумерации, например: *Зеновеи Рвачовъ... намъ воиску донскому в доношении написал (1) для доволства яде в летняя время почтовыхъ ведомства ево лошадеи имеютя самыя скудныя и тесныя места... (2) для козбы на доволствие в зимнее время почтовыхъ лошадеи хотя от вашихъ станицъ... обыкновенно луга отводятся но и с техъ некоторые травародиет не изобилны* (д. 3, л. 3).

Модальность текстов войсковой грамоты определяется функцией документа и статусом адресанта и адресата. Текстам грамот свойственно сочетание императивного и нейтрального тона речи.

Императивность текстов грамот обусловлена их доминирующей регулятивной функцией и создается за счет взаимодействия преобладающих значений пропозициональной (ситуативной) модальности необходимости и прагматической модальности волеизъявления [о классификации модальных значений см.: Ваулина, Кукса, с. 29]. Более ярко выражена императивность в предписывающей части документа.

Модальное значение необходимости выражается при помощи конструкций с независимым инфинитивом, а также сочетаний модальных глаголов (*иметь, надлежать* и др.), модальных предикативов (*должен, надобно* и т. п.) с зависимым инфинитивом. Например: *и какъ сия наша воисковая грамота вами мишаиловскою станицею получена будет и вамъ станицному атаману и казакамъ об ономъ ведать; и по вышеписанному учинит непременно исполнение* (д. 6, л. 8 об.—9).

Реализации модальности волеизъявления способствуют лексические единицы с семантикой приказа, просьбы (*приказать, велеть, требовать, приговорить, просить* и др.), глагольные формы в перформативном употреблении (*предлагаемъ, велено* и т. п.), указание на статус субъекта и др. В текстах встречается также реализация модальных значений возможности (при помощи лексем *мочь, можно, невозможно* в сочетании с инфинитивом), вопроса (в придаточных предложениях с частицей *ли* и др.).

Нейтральный тон речи связан с информативной функцией документов и проявляется в основном при реализации объективной модальности, как правило, в мотивирующей композиционной части.

В текстах ВГ доминирует объективно-модальное значение реальности, экспликатором которого служат формы реального наклонения (синтаксического индикатива). Устойчивые формулы как компоненты структуры, выполняющие функции документных реквизитов, указывают на реальность излагаемых фактов, подтверждая подлинность документа, а значит, и содержащуюся в нем информацию. Употребление форм ирреального наклонения связано преимущественно с реализацией прагматической модальности волеизъявления [подробно см. в: Шептухина, Горбань].

Пространственная локализация рассматриваемых документов реализуется в текстовой и документной информации во взаимодействии с их функцией, структурой, адресантом и адресатом.

В тексте войсковой грамоты реальное и социальное пространство тесно взаимосвязаны и выражены лексическими и грамматическими средствами, порой недифференцированно [см.: Горбань, 2013]. Это имена нарицательные и собственные, обозначающие географические объекты (река, Дон, Хопёр), казачьи поселения (городок, хутор, Черкасский, Михайловская станица), другие населенные пункты (город, Москва, Воронеж), единицы административно-территориального деления (уезд), военные укрепления (крепость святой Анны), сельскохозяйственные угодья, земельные владения (хлеба = «поле, засеянное зерновыми», *луг, пашня, вотчина*). Сюда же можно отнести существительное *место*, которое является родовым наименованием любого «фрагмента» пространства.

Менее разнообразны в рассматриваемых документах наименования учреждений, организаций, общественных собраний, тоже представляемых как пространственные объекты, поскольку так или иначе имеют определенное местонахождение: *сенат, канцелярия, контора, комиссия, почтовый стан, сбор* («заседание станичного правления и выборных от хуторов»), *круг* («общее собрание казаков», «орган казачьего самоуправления») и др. Из приведенных номинаций в войсковых грамотах частотны *сбор* и *круг*, так как при сообщении о тех или иных решениях всегда подчеркивается их коллегиальное принятие. Например: *и приговорили мы войском донским при зборе в канцелярии войсковых дел старшинъ* (д. 1, л. 3), — здесь прямо названо место, где проходил сбор.

Реальное пространство представляет собой в первую очередь территорию Области Войска Донского как части Российской империи. В это пространство могут включаться и другие области государства, если они оказываются связанными с Войском Донским теми или иными действиями (поездки с поручениями по различным делам, получение и отправление письменных сообщений, военные походы и т. д.), однако оно маркируется противопоставлением наименований: *казачий — прочий, великороссийский*.

Пространственная локализация реализуется не только в совокупности пространственных объектов, их характеристиках, но и в их многообразных отношениях, которые эксплицируются лексическими (прилагательные *донской, хопёрский, рязанский, войсковой, станичный, великороссийский* и др., местоименные наречия *где, куды, откуль*, глаголы движения и местоположения) и синтаксическими (предложно-падежные конструкции, сложноподчиненные предложения с придаточным места) средствами.

Картина окружающего мира, отраженная в войсковых грамотах, носит динамический характер, что выражается существенным преобладанием глаголов движения над глаголами местоположения. Наиболее частотными из глаголов перемещения являются глагол *послать* и его префиксальные производные: в источниках говорится о получении и рассылке грамот и иных документов по Области Войска Донского, о различных поручениях каким-либо лицам, связанных

с поездкой в другие места. Употребительны также слова *ехать, ездить, везти* и их производные, обозначающие перемещение при помощи транспортных средств; их активное использование обусловлено содержанием документов, сообщающих о передвижении на большое расстояние в пределах Области Войска Донского или всего государства, которое осуществлялось на повозках либо (особенно у казаков) верхом. К данной лексике можно отнести и отглагольные существительные, сохраняющие процессуальную семантику производящих основ (*отсылка, привоз, отвоз, побег, гоньба, прогон* и др.).

Отображаемое в грамотах реальное пространство носит социализированный характер: подавляющее большинство слов обозначает населенные пункты, единицы административно-территориального деления страны. Даже географические объекты часто включаются «в контекст» жизни общества. Например, реки упоминаются как ориентиры, «организующие» казачье расселение по территории Области; так, при определении адресата документа называются реки и только потом станицы, расположенные по этим рекам: *по хопру в михайловскую станицу станицному атаману* (д. 1, л. 3); *по дону от цымлянскои до казанскои по хопру от букановскои до михайловскои по медведицы от астравскои до березовскои по бузулуку от алексеевскои до филоновскои станиць станицным атаманам и козакам* (д. 4, л. 1). Прилагательные *донской, войсковой* имеют не только прямое значение «относящийся к реке, войску как к территории», но и «относящийся ко всей территории Области либо ко всему войску как специально организованному сообществу, расположенному на данной территории» [Горбань, 2013, с. 24; Горбань, Шептухина, с. 79].

Параметр «пространство» связан с субъектами коммуникации, функцией, структурой ВГ.

Прилагательное *войсковая* в названии ВГ «локализует» действие документа, ограничивая его функционирование Областью Войска Донского.

Пространственную локализацию имеют субъекты коммуникации, что отражается в первую очередь в структуре текста: сведения об адресате — в начальной формуле (*по хоперским нашим казачьим городкам станицным атаманом и казакам* и др.), об адресанте — в конечной формуле «место составления документа». Кроме того, в основном содержании текста о местонахождении адресанта свидетельствуют такие высказывания, как *к намь воиску донскому в черкасской* (д. 1, л. 2), *нам воисковому атаману и воиску донскому в черкасском* (д. 1, л. 3) и т. п., выполняющие, как и некоторые другие языковые средства, дейктическую функцию. Пространство Области Войска Донского отображается в текстах ВГ как организованное вокруг центра в Черкасском, точкой отсчета в пространственной «системе координат» является субъект, от лица которого документ составляется. Определения *войсковой* и *станичный* при существительном *атамань* отражают не столько принадлежность к локусу, сколько различный статус адресанта и адресата в иерархии Войска. Анализ особенностей репрезентации пространства в текстах ВГ позволяет выявить концептуальную информацию о фрагментах картины мира донского казачества как социэтнической группы.

Текстовая фактуальная информация определяет темпоральную логикацию ВГ, реализуемую лексическими, морфологическими, синтаксическими средствами, которые выражают время совершения событий как точку на временной оси, а также их отношение (одновременность, предшествование или следование) к моменту речи (создания документа) или другому событию [см.: Горбань, 2014].

Среди способов обозначения времени совершения действия особое место занимает указание его даты, что обусловлено таким свойством документов, как точность. Точно датируются, как правило, факты, послужившие основанием для принятия решения, распоряжения, иных управленческих действий (получение высочайших указов, происшествие и т. д.) или имеющие правовое значение (год рождения, поселения и т. п.). Датируются также составление грамоты, получение адресатом и другие факты ее реального существования, представляющие в составе текстовой информацию документную.

Временной «точкой отсчета» для всего текста выступает дата составления документа. При назывании года может уточняться совпадение или несовпадение его со временем написания ВГ (*прошлый, минувший, будущий, нынешний, сей*). Содержание текста в плане темпоральности может соотноситься и с действием, обозначенным в начальной формуле ВГ глагольной формой настоящего времени *объявляемъ* в перформативном значении. Кроме того, временные отношения передаются использованием морфологических форм глагола, предложно-падежных конструкций, придаточных предложений времени.

Темпоральная организация текстов связана с объективной модальностью и находит отражение в структуре грамот — как в указанных выше речевых формулах, выполняющих функцию реквизитов, так и в композиции основного текста. Например, глагольные формы настоящего и прошедшего времени используются преимущественно в мотивирующей части грамот, где излагается положение дел, вызвавшее необходимость принятия решения, тогда как формы будущего времени — в распорядительной части грамот, где говорится о последующих, предписываемых действиях.

Тенденция к стандартизованности документов как результат того, что официально-деловая практика в многообразии реальных ситуаций стремилась установить определенную однотипность и представить ее единым способом, дает возможность построить модель темпорального поля текстов ВГ:

{(о б я в л я е м ь) — <описание предшествующих событий или существующего положения дел> — <перечисление последующих действий> — (как сия грамота получена будет — <перечисление предписываемых действий>) — <дата составления документа>} ({дата получения документа}) [Горбань, 2014, с. 13]⁴.

⁴ Здесь фигурными скобками обозначены границы текста, в круглые скобки заключены факультативные компоненты; шрифтом выделены «точки отсчета» времени действий, из них одинаковым шрифтом — соответствующие в тексте компоненты, обеспечивающие единство текста в плане темпоральности.

Совокупность рассмотренных параметров в их взаимодействии, их характеристики и особенности речевого выражения позволяют определить войсковую грамоту как жанр документа, выполняющего регулятивную и информативную функции; имеющего действие в пределах одной административно-территориальной единицы Российского государства середины XVIII в. — Области Войска Донского; исходящего от самого высокого в Области по статусу коллективного субъекта и направленного низшему по статусу, как правило, коллективному адресату; передающего волю этого субъекта в императивном тоне; отражающего реалии жизни на данной территории в данный исторический период; создающегося по правилам, традиционно сложившимся в предшествующий, приказный, период делопроизводства.

Дальнейшее исследование войсковых грамот в составе всей документной системы Области Войска Донского, а также на фоне документации центральных учреждений в рассмотренный и более поздние периоды позволит углубить представления о сходстве и различиях жанров документов, общем и региональном в реализации жанровых признаков войсковой грамоты и об их возможной эволюции.

Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. М.: Флинта : Наука, 2004.

Белоконева К. А. К проблеме жанрово-стилевой принадлежности документного текста // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2 : Языкозн. 2011. № 2 (14). С. 148–153.

Ваулина С. С., Кукса И. Ю. Модальность предложения — модальность текста: актуальные аспекты изучения // Модальность как семантическая универсалия / ред. И. Ю. Кукса. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. С. 25–34.

Гальперин И. П. Текст как объект лингвистического исследования. М. : КомКнига, 2007.

Глинкина Л. А., Чередниченко А. П. Деловой язык XVIII века и проблемы исторического лингвокраеведения // Русский язык: исторические судьбы и современность : Междунар. конгресс исследователей русского языка, г. Москва, ФилФ МГУ, 13–16 марта 2001 г. : тр. и материалы / под ред. М. Л. Ремневой, А. А. Поликарпова. М. : [б. и.], 2001. С. 143.

Горбань О. А. Категория локальности в текстах региональных документов XVIII века (на материале документов канцелярии Области Войска Донского) // Научное обозрение: гуманитар. исследования. 2013. № 7. С. 21–30.

Горбань О. А. Региональные документы XVIII века в аспекте категории темпоральности // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2 : Языкозн. 2014. № 4 (23). С. 7–16. <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.4.1>

Горбань О. А. Особенности выражения субъекта текста в региональных документах XVIII века // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2. Ч. 2. С. 356–360.

Горбань О. А., Шентухина Е. М. Региональные документы XVIII в.: аспекты лингвистического описания // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2 : Языкозн. 2013. № 3 (19). С. 76–84.

Ильинова Е. Ю. О соответствии художественной формы дискурсивной традиции лингвокультуры // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2 : Языкозн. 2005. № 4. С. 150–156.

Ильинова Е. Ю. Когнитивный аспект жанрового пространства текста // Науч. вестн. Воронеж. гос. архитектурно-строительного ун-та. Сер. «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». 2006. Вып. 6. С. 9–17.

Качалкин А. Н. Жанры русского документа допетровской эпохи : в 2 ч. Ч. 1 : Источники изучения и вопросы авторства документа. Ч. 2 : Филологический метод анализа документа. М. : МГУ, 1988.

Косова М. В. Информативность документного текста: лингвистические критерии меры // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2 : Языкозн. 2013. № 3 (19). С. 85–89.

Косова М. В. Параметры речевого жанра как модель документного текста // Современная коммуникативистика. 2015. Т. 4. № 6. С. 16–19. <http://dx.doi.org/10.12737/16551>

Косова М. В. Метод документоведческого анализа в лингвистических исследованиях: содержание и цели // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2 : Языкозн. 2016. № 1 (30). С. 7–17. <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.1>

Которова М. П. Русский деловой текст: функционирование и развитие // Вестн. Перм. ун-та. 2010. Вып. 6 (12). С. 215–217.

Кудрявцева Е. А. Восточносибирская деловая письменность в языковой ситуации начала XVIII века (на материале документов Туруханского Троицкого монастыря) // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 6. 2004. С. 43–51.

Кушнерук С. П. Современный документный текст: создание и исследование. М. : Либерия-Библинформ, 2009.

Майоров А. П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М. : Азбуковник, 2006.

Плигина Е. С. Корпус PR-текстов: эволюция системы жанров // Медиареальность информационного общества : материалы Междунар. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, посвящ. 15-летию Ин-та телевидения, бизнеса и дизайна, г. С.-Петербург, 6–7 декабря 2012 г. / под ред. Н. А. Гуторовой. СПб. : [б. и.], 2012. С. 40–42.

Ромашова О. В. Жанрово-стилевая специфика медицинского документа (на материале медицинской карты стационарного больного) // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 5 (48) С. 127–130.

Русанова С. В. Трансформация приказной памяти в условиях преобразования регионального делопроизводства в первой половине XVIII в. // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2012. № 10. С. 70–74.

СЭСРЯ — Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М. : Флинта : Наука, 2006.

Трофимова О. В. Жанрообразующие особенности русских документов XVIII века (на материале тюменской деловой письменности 1762–1796 гг.) : дис. ... д-ра филол. наук. Тюмень : Тюмен. гос. ун-т, 2002.

Шептухина Е. М., Герасимова И. С. Языковые средства реализации текстовых категорий в региональных деловых документах XVIII в. // Уч. зап. Казан. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. 2014. Т. 156. № 5. С. 41–51.

Шептухина Е. М., Горбань О. А. Войсковые грамоты середины XVIII века в аспекте категории модальности // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2 : Языкозн. 2015. № 5 (29). С. 7–18. <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.5.1>

Статья поступила в редакцию 15.07.2016

Горбань Оксана Анатольевна

доктор филологических наук,
 профессор кафедры русского языка
 и документалистики
 Волгоградский государственный университет
 400062, Волгоград, пр. Университетский, 100
 E-mail: o.gorban@mail.ru

Ильинова Елена Юрьевна

доктор филологических наук,
 профессор кафедры английской филологии
 Волгоградский государственный университет
 400062, Волгоград, пр. Университетский, 100
 E-mail: ilynov@vistcom.ru

Косова Марина Владимировна

доктор филологических наук,
 профессор кафедры русского языка
 и документалистики
 Волгоградский государственный университет
 400062, Волгоград, пр. Университетский, 100
 E-mail: kosowa@mail.ru

Шептухина Елена Михайловна

доктор филологических наук,
 профессор кафедры русского языка
 и документалистики
 Волгоградский государственный университет
 400062, Волгоград, пр. Университетский, 100
 E-mail: sheptukhina@yandex.ru

Gorban, Oksana Anatolyevna

Dr. Hab. (Philology), Professor
 Department of the Russian Language
 and Documentation Studies
 Volgograd State University
 100, Universitetsky Ave.,
 400062 Volgograd, Russia
 E-mail: o.gorban@mail.ru

Ilyinova, Elena Yurievna

Dr. Hab. (Philology), Professor
 Department of English Philology
 Volgograd State University
 100, Universitetsky Ave.,
 400062 Volgograd, Russia
 E-mail: ilynov@vistcom.ru

Kosova, Marina Vladimirovna

Dr. Hab. (Philology), Professor
 Department of the Russian Language
 and Documentation Studies
 Volgograd State University
 100, Universitetsky Ave.,
 400062 Volgograd, Russia
 E-mail: kosowa@mail.ru

Sheptukhina, Elena Mikhaylovna

Dr. Hab. (Philology), Professor
 Department of the Russian Language
 and Documentation Studies
 Volgograd State University
 100, Universitetsky Ave.,
 400062 Volgograd, Russia
 E-mail: sheptukhina@yandex.ru

**GENRE CHARACTERISTICS
 OF THE 18TH CENTURY MILITARY CHARTERS
 (With Reference to the *Mikhailovsky Stanitsa Ataman* Archive)**

The military charter is defined in the article as a major type of administration document in the Don Host Province (Rus. *Oblast' Voyska Donskogo*) and is claimed to be an exceptional genre of administrative documentation of the 18th century. The study is conducted with reference to documents (dated between 1735 and 1755) from the *Mikhailovsky Stanitsa Ataman* Archive (State Archive of Volgograd Region).

Applying a complex approach to linguistic phenomena analysis and taking into account the achievements of the modern text theory through the prism of documentation linguistics, the authors determine the following characteristics

of any genre of a documentary text: functions, subjects of communication (addresser, addressee), specificity of the message delivered, composition structure, prevailing modality, time and space localization. The authors illustrate their multi-vector and heterogeneous interaction and coordination with the specific features and general text categories and properties of the text. The notion of genre that was first introduced in linguistics with reference to fiction is specified for documentation linguistics; conceptual information in official and administrative documents is considered as a cultural and historical background that helps to provide an accurate interpretation of factual information.

The authors characterise the peculiarities of the aforementioned parameters in the speech structure of military charters that are expressed by different level means of language, emphasising the cases that allow for variability.

The article demonstrates that though it is an isolated textual phenomenon, the military charter reflects the peculiarities of records management typical of a certain area of Russia. Keeping some old instructive traditions, the text, however, demonstrates some features of the new office style of the 18th century.

Key words: genre; genre features; document; document characteristics; text category; history of the Russian administrative language; military charter; Don Host Province.

Acknowledgements

The work is supported by the *Russian Foundation for the Humanities* and the Administration of Volgograd Region, project #16-14-34004 “The Dynamics of the Textual and Linguistic Organisation of Regional Documents between the 18th and 19th Centuries (with Reference to the *Mikhaylovsky Stanitsa Ataman* Archive)”.

Babenko, L. G., & Kazarin, Ju. V. (2004). *Lingvosticheskij analiz hudozhestvennogo teksta. Teorija i praktika* [Linguistic Analysis of a Literary Text. Theory and Practice]. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian)

Belokoneva, K. A. (2011). K probleme zhanrovo-stilevoj prinadlezhnosti dokumentnogo teksta [On the Issue of Genre and Style of a Document]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2, Jazykoznanije*, 2 (14), 148–153. (In Russian)

Galperin, I. R. (2007). *Tekst kak ob'ekt lingvosticheskogo issledovanija* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow: KomKniga. (In Russian)

Glinkina, L. A. & Cherednichenko, A. P. (2001). Delovoj jazyk XVIII veka i problemy istoricheskogo lingvokraevedenija [Administrative Language of the 18th Century and the Issues of Historical Regional Language Studies]. In M. L. Remneva, & A. A. Polikarpov (Eds.), *Russkij jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'* [The Russian Language: Its Historical Destiny and Present State]: Mezhdunar. kongress issledovatelej russkogo jazyka, g. Moskva, FilF MGU, 13–16 marta 2001 g.: trudy i materialy (p. 143). Moscow. (In Russian)

Gorban, O. A. (2013). Kategorija lokal'nosti v tekstah regional'nyh dokumentov XVIII veka (na materiale dokumentov kanceljarii Oblasti Vojska Donskogo) [The Category of Locality in the Texts of 18th Century Regional Documents (Based on the Documents of the Don Army Region Office)]. *Nauchnoe obozrenie: gumanitarnye issledovanija*, 7, 21–30. (In Russian)

Gorban, O. A. (2014). Regional'nye dokumenty XVIII veka v aspekte kategorii temporal'nosti [Regional Documents of the 18th Century in Terms of the Category of Temporality]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Jazykoznanije*, 4 (23), 7–16. <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.4.1> (In Russian)

Gorban, O. A. (2015). Osobennosti vyrazhenija sub'ekta teksta v regional'nyh dokumentah XVIII veka [The Expression of the Subject of the Text in the Regional Documents of the 18th Century]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2, 2, 356–360. (In Russian)

Gorban, O. A., & Sheptukhina, E. M. (2013). Regional'nye dokumenty XVIII v.: aspekty lingvisticheskogo opisanija [Regional Documents of the 18th Century: Aspects of Linguistic Analysis]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Jazykoznanije*, 3 (19), 76–84. (In Russian)

Ilyinova, E. Yu. (2005). O sootvetstvii hudozhestvennoj formy diskursivnoj tradicii lingvokul'tury [On the Compliance of the Art Form and Discursive Traditions of a Language Culture]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Jazykoznanije*, 4, 150–156. (In Russian)

Ilyinova, E. Yu. (2006). Kognitivnyj aspekt zhanrovogo prostranstva teksta [The Cognitive Aspect of the Genre Dimension of a Text]. *Nauchnyj vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Ser. «Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovanija»*, 6, 9–17. (In Russian)

Kachalkin, A. N. (1988). *Zhanry russkogo dokumenta dopetrovskoj epohi* [Genres of the Russian Document in the Pre-Petrine Period] (Parts 1–2). (Part 1: Istochniki izuchenija i voprosy avtorstva dokumenta [Research Sources and Document Authorship Issues]). (Part 2: Filologicheskij metod analiza dokumenta [The Philological Method of Document Analysis]). Moscow: MSU. (In Russian)

Kosova, M. V. (2013). Informativnost' dokumentnogo teksta: lingvisticheskie kriterii mery [The Information Value of a Document: Linguistic Criteria of Measure]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Jazykoznanije*, 3 (19), 85–89. (In Russian)

Kosova, M. V. (2015). Parametry rechevogo zhanra kak model' dokumentnogo teksta [Parameters of the Speech Genre in Modeling Documents]. *Sovremennaja kommunikativistika*, 4, 6, 16–19. <http://dx.doi.org/10.12737/16551> (In Russian)

Kosova, M. V. (2016). Metod dokumentovedcheskogo analiza v lingvisticheskikh issledovanijah: sodержanie i celi [Documental Analysis Method in Linguistic Research: Content and Objectives]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Jazykoznanije*, 1 (30), 7–17. <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.1> (In Russian)

Kotyurova, M. P. (2010). Russkij delovoj tekst: funkcionirovanie i razvitie [Russian Administrative Text: Functioning and Development]. *Vestnik Permskogo universiteta*, 6 (12), 215–217. (In Russian)

Kozhina, M. N. (Ed.). (2006). *Stilisticheskij jenciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian)

Kudryavtseva, E. A. (2004). Vostochnosibirskaja delovaja pis'mennost' v jazykovoj situacii nachala XVIII veka (na materiale dokumentov Turuhanskogo Troickogo monastyrja) [East Siberian Business Writing in the Language Situation at the Beginning of the 18th Century (with Reference to Documents from the Turukhansk Holy Trinity Monastery)]. *Lingvisticheskij ezhegodnik Sibiri*, 6, 43–51. (In Russian)

Kushneruk, S. P. (2009). *Sovremennij dokumentnyj tekst: sozdanie i issledovanie* [Modern Document Text: Development and Studies]. Moscow: Liberija-Bibinform. (In Russian)

Mayorov, A. P. (2006). *Očerki leksiki regional'noj delovoj pis'mennosti XVIII veka* [Essays on the Vocabulary of the Regional Official Writing of the 18th Century]. Moscow: Azbukovnik. (In Russian)

Pligina, E. S. (2012). Korpus PR-tekstov: jevoljucija sistemy zhanrov [The Corpus of PR-texts: The Evolution of Genres]. In N. A. Gutorova (Ed.), *Mediareal'nost' informacionnogo obshhestva* [The Media Reality of Information Society]: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. studentov, magistrantov i aspirantov, posvjashch. 15-letiju Instituta televidenija, biznesa i dizajna, g. S.-Peterburg, 6–7 dekabrja 2012 g. (pp. 40–42). Saint Petersburg: [s. l.]. (In Russian)

Romashova, O. V. (2014). Zhanrovo-stilevaja specifika medicinskogo dokumenta (na materiale medicinskoj karty stacionarnogo bol'nogo) [Genre and Style Peculiarities of the Medical Document (with Reference to Patients' Medical Records)]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija*, 5 (48), 127–130. (In Russian)

Rusanova, S. V. (2012). Transformacija prikaznoj pamjati v uslovijah preobrazovanija regional'nogo deloproizvodstva v pervoj polovine XVIII v. [Changes in Prikaz Archiving and Conditions of the Regional Administration Transformation in the First Half of the 18th Century]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 10, 70–74. (In Russian)

Sheptukhina, E. M., & Gerasimova, I. S. (2014). Jazykovye sredstva realizacii tekstovyh kategorij v regional'nyh delovyh dokumentah XVIII v. [Language Means of Implementation of Text Categories in Regional Official Documents of the 18th Century]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki*, 156, 5, 41–51. (In Russian)

Sheptukhina, E. M., & Gorban, O. A. (2015). Vojskovye gramoty serediny XVIII veka v aspekte kategorii modal'nosti [Don Cossack Army Charters of the Mid-18th Century through the Category of Modality]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Jazykoznanije*, 5 (29), 7–18. <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.5.1> (In Russian)

Trofimova, O. V. (2002). *Zhanroobrazujushhie osobennosti russkih dokumentov XVIII veka (na materiale tjumenskoj delovoj pis'mennosti 1762–1796 gg.)* [On Genre Forming Features of 18th Century Russian Documents (with Reference to Tyumen Administrative Writing of 1762–1796)] (doctoral dissertation). Tyumen': Tyumen State University (In Russian)

Vaulina, S. S., & Kuksa, I. Ju. (2010). Modal'nost' predlozhenija – modal'nost' teksta: aktual'nye aspekty izuchenija [Modality of the Sentence – Modality of the Text: Aspects of Modern Study]. In I. Ju. Kuksa (Ed.), *Modal'nost' kak semanticheskaja universalija* [Modality as a Semantic Universal] (pp. 25–34). Kaliningrad: Izd-vo RGU im. I. Kanta. (In Russian)

Received on 15 July, 2016